

АНТОН ТАБАКОВ:

«Я всегда
обижался
на отца...»

По иронии судьбы я появился на свет на родине отца — в Саратове, где гастролировал «Современник». Из роддома в Москву «депортировали» меня в люльке с незнакомой стюардессой. Та долго отказывалась от «подарка», пока родители ей не поклялись, что ребенка непременно встретят. Встретили. И, надеюсь, ни с кем не перепутали...

Прелести кочевой театральной жизни я испытал вскоре после своего рождения. Однажды, опаздывая на поезд, папа с мамой (актрисой театра «Современник» Людмилой Крыловой) бежали по перрону, схватив меня, тогда еще младенца, в охапку. Состав вот-вот должен был тронуться, поэтому

ребенка, словно какой-то сверток, начали по рукам передавать в вагон. Едва родители, запыхавшись, прыгнули на подножку, поезд отошел от перрона. Думаю, сцена была впечатляющая. В общем, в раннем возрасте, да и потом, конечно, жизнь родителей я не облегчал. Однажды, рассказывал отец, не зная, как меня унять, он не придумал ничего лучшего, чем залезть в деревянную кроватку и сунуть мне свою грудь.

Папа так много трудился над созданием «Современника», что на меня времени практически не оставалось

лось довольно часто, либо показывать паспорт. А до его получения — комсомольский билет: в нем была перепутана дата рождения, и выходило, что я на год старше. С билетом же мне удавалось проходить и в рестораны, в том числе в знаменитый «Арагви». Из всей нашей компании повезло только Денису Евстигнееву — тот, напротив, казался старше своих лет. Тяжелее приходилось Мише Ефремову. Моложе и меньше всех нас ростом, он выглядел и вовсе младенцем. Из-за этого частенько, когда дома собирались взрослые, Мишка вынужден был сидеть за детским столом и делать вид, что пьет лимонад. Под столом-то мы ему, понятно, наливали шампанское...

Наши родители (Олег Табаков, Олег Ефремов и Евгений Евстигнеев) в те годы трудились над созданием «Современника» и все свое время уделяли любимому детищу. На собственных чад — меня, Мишу и Дениса — времени практически не оставалось. Театр тогда находился на площади Маяковского. Там, в стареньком трехэтажном здании, мы и провели большую часть своего детства. Бывало, заигравшись за кулисами, напрочь забывали о том, что находимся на рабочем месте родителей, и выходили, выбегали или выезжали на велосипедах на сцену во время спектакля.

Впрочем, я довольно рано стал самостоятельным — уже с шести лет начал ездить на съемки. Дебют мой случился в 1966 году. Краснопольский и Усков снимали тогда «Времена года» по Нагибину, и я с Галей Яцкиной и Сашей Январевым, игравшими моих маму и папу, отправился в свою первую экспедицию в Суху-

Однажды отец, не зная, как меня унять, залез в деревянную кровать и сунул мне свою грудь

Неудивительно, что страстное желание как можно скорее стать взрослым зародилось во мне с юных лет. Причем с годами оно только усиливалось, несмотря на серьезную проб-

лему: я всегда очень молодо выглядел, и потому передо мной закрывались в ту пору все вожаденные двери, и приходилось либо пользоваться папиной известностью, что случа-

ми. Меня поручили бессменному секретарю «Современника» — замечательной Раисе Викторовне Ленской, которая трагично на меня много личного времени, хотя это не входило в

ее обязанности. Может, оттого что это был мой первый фильм, а возможно, потому что времена были другие, но от съемок остались только теплые воспоминания: какая-то горная речка, мы купаемся и обедаем в виноградом...

— **О школе вспоминаете так же тепло?**

— Меня держали на продленке до

них мог стать знаменитым вором в законе. Лет 20 назад ко мне на улице подошел какой-то парень довольно специфической наружности и стал обнимать, как старого знакомого.

Школа осталась у меня в памяти как самый травматический период жизни. Я в ту пору доставлял родителям массу хлопот, потому как все время что-нибудь ломал: ноги, руки... Од-

по части воровства сигарет у родителей. В дефицитные 70-е годы вся стенка в комнате отца была заставлена огромным количеством импортных блоков. Сам он скорее пизонил с сигаретой в зубах. В нескольких картинах, в том числе в «Семнадцати мгновениях весны», появлялся в кадре с «Кэмел», блоки которого хранились на «складе». Что

В детстве я доставлял родителям массу хлопот, так как все время что-нибудь ломал: ноги, руки...

последнего, после чего я шел домой, чтобы побеситься во дворе. Мы жили тогда на пересечении улиц Готвальда и 2-й Тверской-Ямской — аккурат напротив 10-го отделения милиции, что отнюдь не мешало нам создавать неформальные объединения. Среди нас были и ребята, один внешний вид которых наводил на взрослых ужас. Вполне допускаю, что кто-то из

нажды, упав с каната, сломал позвоночник. На уроках физкультуры все как раз было нормально, но вот на переменах!.. Бесконечные травмы и даже полостные операции — это могло расшатать любую нервную систему. Мама сильно переживала, отец же мужественно держал удары судьбы.

С этим временем связаны и наши с Денисом Евстигнеевым проделки

же делали мы, заядлые курильщики? Брали из его «хранилища» блоки, аккуратно распаривали над кипящим чайником целлофан, вынимали целые пачки, снова все тщательно запечатывали и клали на место. Долгое время отец не догадывался о воровстве, раскрыто оно было, только когда одна из коробок, окончательно опустев, подмялась, и стенка, состав-

Мы, театральные дети, не только росли за кулисами, но и гастролировали вместе с театром

В нашей семье пополнение — родилась сестра Саша

ленная из сигаретных блоков, как из кирпичиков, рухнула. Впрочем, наказание было не особенно жестоким. А когда мы воровали сигареты у мамы Дениса Галины Борисовны Волчек, нам и вовсе все сходило с рук — она просто ничего не замечала, хотя в отличие от моего отца много курила.

то рассказать любознательным детишкам о шедеврах мировой живописи, не подозревая, что своей мнимой заинтересованностью мы просто-напросто отвлекаем ее, сами же в тот момент открываем ее сумочку и ловкими обученными пальцами достаем фирменные сигареты. Потом, отпросившись, с одухотворен-

— Разве вы не ходили, как всякий ребенок из интеллигентной семьи, в музыкальную школу?

— Родители даже не пытались заставить меня заниматься музыкой. Много лет спустя мое «пристрастие» к этому виду искусства хорошо прокомментировал Андрей Александрович Гончаров, на курс к которому у

Пелевин написал, что я таскал из пепельницы бычки, чтобы докурить их с друзьями в песочнице

На этой почве однажды случилась смешная история. Много лет назад Галина Борисовна как-то заставила нас пойти на какую-то художественную выставку — то ли в Москве, то ли в Ленинграде, чем безумно гордилась. Ей казалось, что мы с большим интересом разглядываем картины на стенах, а одной работой и вовсе поражены, потому что стоим с открытыми ртами. Она пыталась что-

ными лицами мчались в туалет курить. Ах, как нам хотелось казаться взрослыми!

Интересно, что моя пагубная страсть к курению отражена в литературе. Виктор Пелевин, частый гость нашего дома, написал, что я таскал из отцовской пепельницы бычки от «Winston», чтобы докурить их с друзьями в песочнице. Может быть, я не помню...

поступал. Году в 76-м ему очень не повезло — Леша Менглет, проучившись у него несколько лет, умудрился эмигрировать в Германию. Андрей Александрович после этого зарекся иметь дело с детьми творческих людей, а тут появился я. И вот педагог, обладатель стопроцентного музыкального слуха, просит: «Ну давайте, спойте что-нибудь». Я спел, как сейчас помню, что-то из репертуара Ал-

Один из первых выпусков легендарной 127-й школы рабочей молодежи

лы Борисовны — как мне тогда казалось, даже неплохо. Но у Гончарова сложилось другое мнение: «Молодой человек, если вы сможете это повторить — будете у меня учиться, потому

ми я когда-то жутко гордился: разбил кому-то нос или наставил синяков. В нашей школе учились многие дети знаменитостей: в одном классе — внук Хрущева, в другом — внук Сталина...

им домом здания, я, чтобы остаться чистым хотя бы перед собственной совестью, начал все судорожно тушить, призывая на помощь соседей. За мое рвение какая-то обществен-

Став виновником поджога соседнего дома, я начал судорожно тушить его, призывая на помощь соседей

что из семи ног шесть спели неправильно». Я не моргнув глазом повторил, ибо по-другому петь не умел, — это и спасло меня от разоблачения в причастности к династии.

Вообще в моей жизни много историй (чаще нелицеприятных), которые

Однажды меня пытались выгнать со скандалом за то, что я нанес травму Мите Шостаковичу. Поскольку потасовка произошла напротив учительской, «факт» на его лице увидели все.

В другой раз, случайно став виновником поджога соседнего со сво-

ная организация даже вручила мне грамоту за пожаротушение. Некоторые школьные предметы, например, химию, я предпочитал изучать не за партой, а на практике. Мой дедушка (по отцу) Павел Кондратьевич работал в серьезном институте «Микроб»,

Я доставлял родителям массу хлопот: мама сильно переживала, отец же мужественно держал удары судьбы...

имел непосредственное отношение к биохимии и постоянно дарил мне наборы «Юный химик», пытаюсь, очевидно, привить мне любовь к этому предмету. Он и не подозревал, что я в этом деле давно был профессионалом — смешивал реактивы, получал порох... Взрывов было много.

лишили скульптуру горна и перешли к химическому опыту. Однако он был уже менее удачным — пионера разорвало на части, в результате чего хлынувшая в тридцатиградусный мороз вода залила площадь. Утешало одно: всю зиму люди могли кататься на площади, как на катке.

...А дедушка Павел Кондратьевич был удивительный! В своих рассказах он поразительным образом умел сочетать научные познания с цитатами классиков, наизусть читал Аверченко... Приезжая в Москву из Саратова, дедушка всякий раз останавливался не у нас, а, как человек

Пионера разорвало на части, и хлынувшая в тридцатиградусный мороз вода залила площадь

Особенно доставалось школьным туалетам, не раз пострадавшим от бутылок с карбидом.

А что мы творили с Денисом в Доме творчества в Рузе! Там была площадь в духе сталинской эпохи, посреди которой возвышался фонтан с пионером. Путем долгих экспериментов мы

Еще я как-то раз пытался очистить территорию двора от голубиного помета, посыпав какой-то гадостью асфальт. Тут начался сильный ливень, и многие голуби не выдержали пытки... Узнав о садистском поступке сына, мама выкинула реактивы в мусорное ведро.

независимый, предпочитал жить в гостинице «Пекин» — для него это был своего рода шик. Для меня же походы к нему становились еще одним развлечением. Дедушка к тому времени был в разводе, очень любил женский пол, и, естественно, ему хотелось произвести впечатление.

Моя бабушка была первой или второй супругой Павла Кондратьевича, а вообще у дедушки было столько жен, что эту цифру даже страшно произнести вслух. В те годы он работал в санатории «Паль» под Саратовом, и мы летом ездили к нему погостить. Дед выращивал фантастически вкусные помидоры «бычье сердце» — благодаря своим познаниям в области биохимии он их так

ковых. В то время мы жили в коммунальной квартире, у нас не было телефона, а чтобы позвонить по автомату, надо было спускаться вниз. Родители бесконечно спорили, кто это сделает. Отец просил: «Люся, ну пойдди позвони, мне срочно надо...», мама отвечала: «Я не могу, ты же понимаешь...» Начиналась перепалка, во время которой качающая меня в колясочке баба Катя с умилением гово-

жить дальше? Она не видела в этом смысла, тем более что была очень больным человеком: ее мучили тромбозы и куча других недугов. И вот Мария Николаевна начала договариваться с отцом: вот, мол, Олежек, ты меня похорони там-то, у меня есть сберкнижка, все готово... Но родилась сестра Сашка — и случилось чудо: няня воскресла, хотя действительно была на пороге смерти. Обре-

Баба Катя говорила: «Вот Антошенька вырастет, он-то и будет бегать для папки по телефону звонить»

удобрял, что они были немислимых размеров и весили по 2,5 килограмма каждый.

Бабушка, папина мама Мария Андреевна, жила с нами. Врач-рентгенолог, светская дама и эстетка, рожденная в местечке Балта, она всегда была подчеркнуто вежлива и корректна. Надо сказать, Мария Андреевна, а до нее — баба Катя и баба Аня (мои прабабки) с трепетом относились ко всему, что связано с фамилией Таба-

рила: «Вот Антошенька вырастет, он-то и будет бегать для папки по телефону звонить».

А еще у меня была замечательная няня — Мария Николаевна. Она растила моего отца в Саратове. Потом он перевез ее в Москву, и она стала пестовать меня. Поставив на ноги сначала папу, затем меня, Мария Николаевна, верующая одинокая женщина, с чувством выполненного долга решила, что пора помирать. Зачем

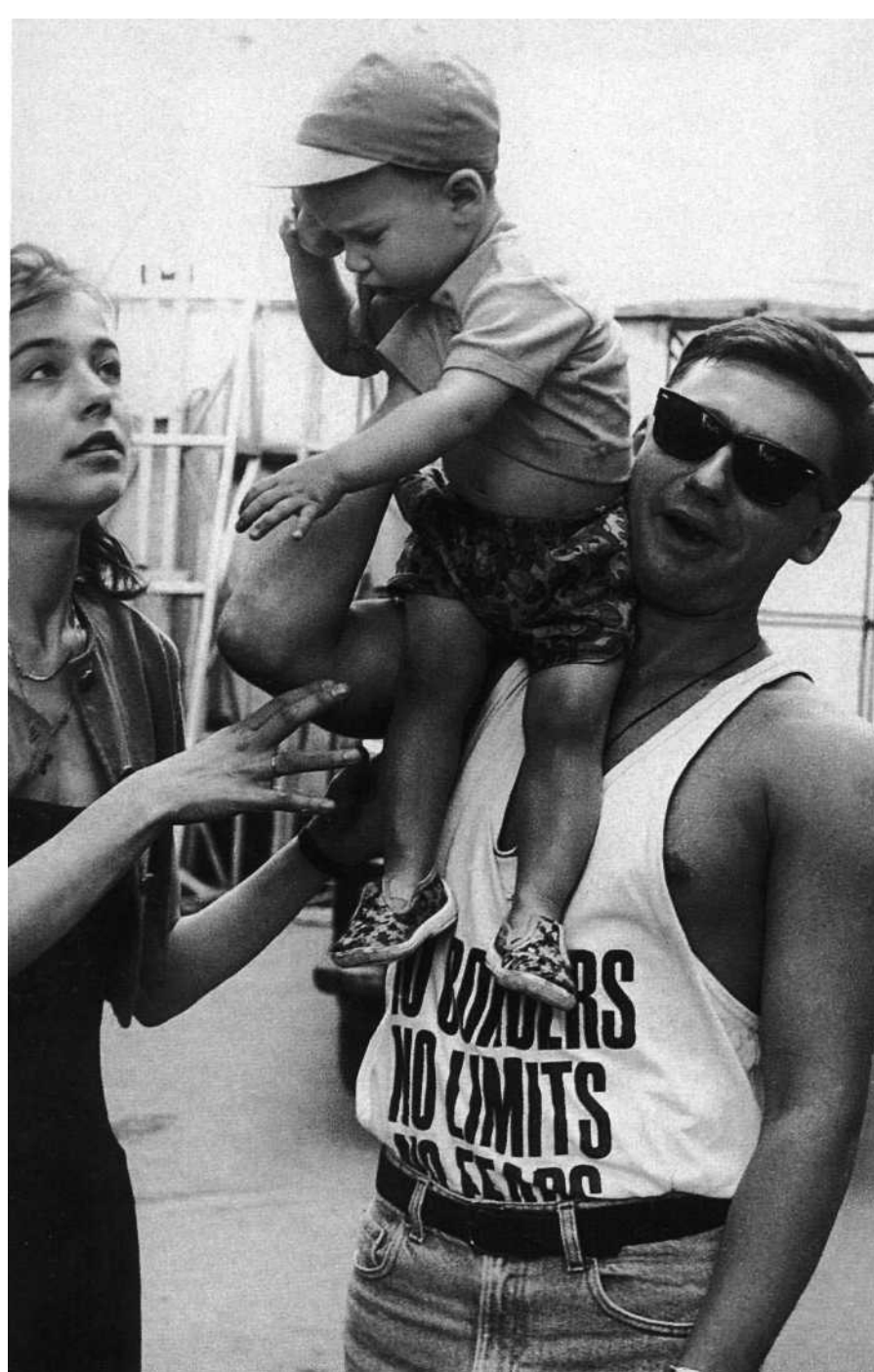
тя смысл жизни, она еще 8 (!) лет жила, забыв о своих болячках.

— **Ваша семья долго ютилась в коммуналке?**

— Мне было лет 5, когда папе и Евгению Александровичу Евстигнееву выделили малогабаритные квартиры в новом блочном пятиэтажном доме в районе метро «Аэропорт». Но очень скоро мы перебрались на Тверскую-Ямскую, в довольно большую квартиру, правда, на

Одна из последних работ Басова «Время и семья Конвей». Табаков-старший и Табаков-младший

ним. Мама пыталась обратить его внимание на заботы, связанные с ней, с детьми, с домом, но отца они волновали мало.

Казалось, что он работал 24 часа в сутки. Думаю, из-за этого в 29 лет у него случился обширный инфаркт. Положение было настолько серьезным, что друзья приходили к нему прощаться. Только после этого папа научился отдыхать. Например, вернувшись с репетиции, он всегда спал перед вечерним спектаклем. Вокруг могло происходить что угодно: гроза, землетрясение — отец знал, что организм нуждается в восстановлении, и мог спать стоя, лежа, сидя. Эта способность передалась и мне. Хотя я никогда не думал, что мне она может пригодиться. Тем более что сам в отличие от отца не слишком серьезно относился к театру.

Помню, лежал после автокатастрофы в больнице. Вечером у меня должен быть спектакль. Я и представить себе не мог, что с переломанными ребрами выйду на сцену. Папа приехал ко мне и, не понимая, как можно сорвать спектакль, порекомендовал заранее побеспокоиться о том, чтобы за мной прислали машину — самому в таком состоянии добираться тяжело. Бывало, конечно, что я, как отец, играл с температурой под 40. Но в тот раз меня в театре так и не дождались; я был не готов к тому, чтобы умереть на сцене, хотя с детства не мог представить себя никем, кроме как актером. Мама не возражала, что сын пойдет по родительским стопам, но полагала, что для этого нужно приложить максимум усилий. Отец же таланта во мне не видел и рекомендовал обра-

В 29 лет у отца случился инфаркт. Положение было столь серьезным, что друзья приходили прощаться

последнем этаже и, как положено, с протечками.

Отец в те годы был общественным директором «Современника», ходил с большим портфелем и помогал решать в театре административно-хозяйственно-художествен-

ные вопросы. Он всегда или почти всегда делал то, что хотел, и по-другому жить не мог. Так что определенный его культ существовал и дома. Если был голоден — все кидались его кормить. Если был сыт — веселился, шутил, и все радовались вместе с

туть внимание, например, на завод «Калибр».

Ко времени окончания мною школы отец набирал один из первых курсов в свою студию, и я собрался к нему поступать. Имея хорошие неформальные отношения с педагога-

ми — Костей Райкиным, Валерой Фокиным, Гариком Леонтьевым, — я пытался найти в них поддержку, но хуликов не сдавался. В конце концов волею судеб и благодаря титаническим усилиям Галины Борисовны Волчек, которая полностью взяла на себя подготовку меня в институт, я незаметно проскочил в ГИТИСе три тура и стал учиться у Андрея Александровича Гончарова.

пиной «Волге», всегда по одной и той же дороге, мимо разных русских деревень со странными названиями типа Конь-Колодезь) и где-то возле Воронежа попали под дикий проливной дождь. Представьте себе — грунтовая дорога, мокрая глина, суглинок, колеса пробуксовывают... Короче, застряли капитально. Под жутким ливнем, в ночном кошмаре пытаемся в ближайшей деревне оты-

ленберга, он, понятное дело, не мог. Нас не только вытащили, но и обогрели, накормили и оставили ночевать. Вот она, волшебная сила искусства!

Время тогда было, конечно, совсем другое. Родители устраивали вечеринки, на которых знакомые узбеки готовили плов. Часто приглашал к себе Александр Наумович Митга. Его жена Лиля была фанта-

Сельчанин обалдел, увидев, что в его деревне Конь-Колодезь застряла машина Шелленберга

— Когда вы осознали, что ваш отец — знаменитый актер Олег Табаков?

— Мне кажется, я всегда предполагал это, потому что видел его не только дома, но и на экране. Другое дело, я считал это естественным. Однажды произошла такая история. Мы поехали к дедушке в деревню Пады под Саратовом (мы часто ездили туда на па-

скасть трактор. Долго стучим в дверь какого-то дома, пока нам наконец не открывают... А дальше — немая сцена. В те дни (это были 70-е годы) по телевизору как раз демонстрировался фильм «Семнадцать мгновений весны». Вышедший на крыльцо сельчанин просто обалдел — предположить, что в его деревне Конь-Колодезь застрянет машина самого Шел-

стически хлебосольным человеком, любила принимать гостей. Очень весело было в компании с Никитой Сергеевичем Михалковым, с покойным Андрюшей Мироновым, они старались перешеголять друг друга по части шуток. Свои пьесы читал Сергей Владимирович Михалков, пел Высоцкий, всегда что-то интересное рассказывал Зиновий Ефи-

Моя сестра Саша когда-то сыграла подружку Веры в фильме «Маленькая Вера». Мне кажется, она безалаберно относится к своему таланту (я, мама и Саша на семейном торжестве)

Я долго не общался с отцом после развода родителей. Но потом наши отношения возобновились, чему я безумно рад

мович Гердт. Удивительным человеком был Олег Николаевич Ефремов. Родоначалник реализма, он редко делал скидку на то, кто перед ним — взрослый или ребенок, мог пошутить, а то и напугать. Мальчишкой я таких моментов очень боялся и всякий раз, завидев Олега Николаевича, старался убежать в другую комнату.

обстояла не лучше, чем с пивом, ехать пришлось за три рубля на... молоковозе. Возвращались мы на той же цистерне замерзшие, как пингвины, с десятью ящиками обледеневших бутылок.

Способностью доставать спиртное в любое время дня и ночи отличался Миша Ефремов. Частенько ему помогали взрослые, не желая оби-

Миша. Не ограничившись обменом на водку дефицитных в ту пору горных лыж, он как-то продал пиджак Олега Николаевича вместе со звездой Героя. До сих пор не знаю, как отреагировал на это Ефремов-старший...

В девятом классе я перешел в школу рабочей молодежи № 127. Для этого нужна была формальная

Миша продал пиджак отца вместе со звездой Героя. Не знаю, как отреагировал на это Ефремов-старший

Чего только не происходило с нами в те годы! Невероятные авантюры, гулянки... Однажды, собравшись в Звенигороде во время студенческих каникул, я, Денис, Вова Земцов, Дима Иванов и покойный Сережа Можаров решили устроить пивной день. Супермаркетов еще не было, и гонцов отправили в соседнее село. А поскольку с транспортом ситуация

деть ребенка — слишком уж молодо он выглядел. Однако чтобы купить пару бутылок водки, нам всем пришлось подторговывать. Денис, например, то оптом, то в розницу распродавал маленькие металлические модели машин — у него их была целая коллекция. Я расстался с классической литературой, сдавая книги в «Букинист». Но дальше всех пошел

справка, что ты где-то работаешь. Справку я получил, отснявшись на Одесской киностудии в «Тимуре и его команде». В моей жизни тогда было много забавных случаев. Один из них связан с поездкой группы учеников одиннадцатых классов в Таллин. Шел 76-й год, мы рванули всей честной компанией (ныне всемирно известный художник и иссле-

Клуб «Пилот» — мое первое «детище»

Ленка Ульянова брала меня на руки и кричала, что я ее брат, хотя обоим было лет по шестнадцать

дователь костюма Саша Васильев, Ленка Ульянова, Леша Лоскутов, Митя Николаев, Маша Дементьева) в столицу Эстонии... Знакомые родителей поселили нас в мастерской одного художника. Мы там перекапывались, а когда шли в ресторан,

передо мной вечно закрывали двери и кричали с характерным эстонским акцентом: «Ма-ла-дой че-ла-век, эт-та вам не ка-фей-ня, эт-та ноч-на-я ба-ра, ма-ла-ко пить — за уг-лом!», чем чрезвычайно унижали мое достоинство. Рослая Ленка брала меня

на руки и кричала, что я ее брат, хотя обоим было лет по 16. В общем, можно сказать, я всегда был в этом отношении ушербным.

Подобные истории происходили и с Денисом, когда он был ребенком. Его одевали в костюмчик с бабочкой,

брани под ручку, и он шел со вздохами на какой-нибудь вечер. И вот проходит большая киношная делегация, а Дениса, естественно, не пускают. Швейцар кричит: «Нет, нет! Вы с ума сошли! Вы что! Как это можно? Здесь ночной прием!» На что Юлик Гусман шептал: «Как вы смеете? Посмотрите на него — это же всемирно известный киноактер-лилипут! Он и так травмирован тем, что маленького роста, а вы...» Швейцар тут же вытягивался по стойке «смирно» и извинялся.

Кстати, с Денисом мы дружим и сейчас. Частенько вспоминаю, как еще несколько лет назад мне нравилось его подкалывать. Он в отличие от меня не любит заниматься спортом, предпочитает смотреть его по телевизору лежа на диване. И вот, когда начинался какой-нибудь матч или соревнование, я звонил ему и начинал обсуждать якобы безумно важные и деловые проблемы. Динь-

лись экспертизы, комиссии, професора без конца собирали консилиумы. Сначала я веселился, потом мне все жутко надоело. В результате меня призвали. Отец мой, как всегда, занимался своими делами и не видел никакого криминала в том, что его сын будет служить.

Но это еще не все. После демобилизации меня вызвали в военкомат и спрашивают: «Что все это значит?» Оказалось, что по документам меня не должны были призывать. После чего мне в военный билет поставили штамп «Не годен к военной строевой службе». Когда все всплыло, состоялся суд над главврачом одного из военкоматов, я давал показания.

Хотя сама служба была мне не в тягость. В Театре Советский Армии, куда я пришел, гвардии сержант Олег Меньшиков, призванный на полгода раньше, был уже «дедом» и передавал мне эстафету. Вообще компания подобралась хорошая — нас было мно-

мало уделяет мне внимания, что несправедливо, слишком категоричен... Хотя в «Табакерку» отец все-таки меня взял. И произошло это так. Я уже лет десять проработал в «Современнике», когда по приглашению коллег папа пришел на один из спектаклей, не зная, что я в нем играю. Долго смотрел на меня, потом спрашивает: «А это что за артист?» — и показывает пальцем в мою сторону. Ему отвечают: «Ну что вы, Олег Павлович, это же ваш сын, Антон!» «Надо же! — искренне удивился отец. — И давно он так?..» После чего пригласил меня к себе.

На сцене со мной однажды приключилась смешная и в то же время грустная история. Представьте: первое января, идет спектакль, я на сцене. И вдруг чувствую, как меня кто-то тянет за штанину. Оказалось, что, забравшись по ходу пьесы на лестницу, я там уснул. Коллеги, решив не нарушать ритм спектакля и разыграв са-

Отец показывает на меня пальцем: «А это что за артист?» — «Ну что вы, Олег Павлович, это ваш сын!»

ка страшно злился, не понимая шуток, дело даже доходило до мата.

Однако, несмотря на все наши хулиганские проделки, мы не только продавали книги, но и читали их в большом количестве, не только тырили бычки из пепельниц, но и получили высшее, а некоторые и не одно высшее образование. В конце концов каждый из нас стал достойным человеком, достиг определенных успехов в своей области, сформировался как личность.

— **Вы и в армии служили, как ваши друзья?**

— Как же, полтора года отрубил! И это была настоящая детективная история! Я уже женился и даже думать забыл, что меня могут призвать. Но не потому, что не хотел служить. Проблема была в другом. Году в 73-м у меня была сломана в двух местах спина. Тогда я три месяца пролежал в больнице: в гипсе, на вытяжке, потом полгода учился заново ходить. А тут на комиссии в военкомате сообщают, что у меня девственный позвоночник! После долгих выяснений оказалось, что из-за моего переезда в другой район возникла путаница с медицинскими картами. Проводи-

го таких... «неудачников»: Олег, Вова Басов, Саша Балуев, Леша Кузнецов покойный. Не повезло только Андрею Караулову, который пришел позже, — писателей не любили... Но «дедовщины» не было, хотя каждый понимал, что первые полгода должен «отработать». Никто не задавал вопросов типа: «Почему старослужащие утром спят, а мы должны пахать?»

В этом театре, как утверждают, самая широкая в мире сцена: оркестровая яма закрывалась сорока пятью или сорока восемью «гробами» — большими, метр на два, тяжелыми деревянными ящиками. Каждое утро покрытия нужно было разобрать, каждый вечер — собрать. У нас даже была такая команда: «На укладку «гробов»!» Еще мы таскали декорации, были «монтажи», то есть монтировщиками...

— **Вы никогда не обижались на отца? Сначала он не взял вас к себе на курс, потом — в театр, не помог и от армии «откосить»?**

— Я обижался на отца всегда. И то, что он не взял меня к себе на курс, а потом в театр, — это как раз ерунда. Другое дело — я считал, что он очень

мало мою роль, разбудили меня, только когда нужно было уходить со сцены. Я проспал минут 20...

Кстати, я никогда не жалел, что бросил театр — долгие годы он был для меня всего лишь факультативом. Из театра я уходил долго, лет шесть. Одна из причин была в Марии Владимировне Мироновой. Отец именно под нее поставил спектакль, в котором был занят и я. Каждый выход на сцену продлевал ей жизнь.

— **Интересно, талант бизнесмена тоже передается по наследству?**

— Папа рассказывал, что в молодости покупал по 10—15 экземпляров приложения к журналу «Красноармеец», в котором печатались «Озорник» Ардова, «Прекрасная дама» Толстого, «Золотой теленок», и хранил эти книжечки до тех пор, пока они не становились дефицитом, после чего продавал их за большие деньги. А в 9 лет он припрятывал от родителей довески от буханки — хлеб тогда выдавали по карточкам. Когда скопленные кусочки по весу составили целую буханку, он отнес их немецкому военнопленному, который ремонтировал школу, а тот в обмен сделал ему деревянный авто-

Несмотря на все наши хулиганские проделки, мы не только продавали книги, но и читали их в большом количестве, не только тырили бычки из пепельниц, но и получили высшее, а некоторые и не одно высшее образование

мат. Мои эксперименты в бизнесе были не столь изощренными, но все, что связано с курсами иностранных валют, печатавшимися в «Вечерней Москве» и «Известиях», откладывалось в моей памяти. Я всегда знал,

что и где можно купить дешево и кому это продать дорого.

Если уж вернуться к теме обид, то больше всех в нашей семье, вне всякого сомнения, страдала мама. Когда папа стал директором «Современни-

ка», она фактически осталась без роли. Отцу проще было сказать ей, чем кому-либо из артистов: «Люся, ты пойми, я исполняющий обязанности директора театра, ну как я могу? Ну дам тебе роль, и как я буду людям в

Папа скрывал роман с Мариной из-за нежелания причинять нам боль, которую испытал когда-то сам

глаза смотреть? Неловко, некорректно это...» Иногда он был искренен, иногда кривил душой, но такова жизнь — мы всегда отыгрываемся на близких.

Нельзя сказать, что мама была совсем невестребована. Может, просто исчерпала себя в амлгуа травести и инженеру: «Катя-Катюша», «Сверстницы», «Добровольцы», «Живые и мертвые», «Рассказы о Ленине»... Потом появился я, другие заботы... Она самозабвенно готовилась играть Джульетт до старости, что не всегда совпадало с политической театра. Поэтому переживала и, конечно, ссорилась с отцом на этой почве. Каждый в семье жил своей жизнью. Сейчас стыдно признаться в этом, но я сильнее переживал за чужую старушку, которая, хромая, переходит улицу, чем по поводу размолвок родителей, происходящих под носом.

С годами домашние заботы, которыми жила мама, рассосались, и она осталась не у дел. Это страшная трагедия! Она не могла понять, как жить дальше. Была семья — и вдруг они с отцом развелись, были дети — у них теперь своя жизнь, занималась внучкой Полиной — та выросла. Теперь мама много времени посвящает маленькой Ане, нашей с Настей дочке, но уже боится, что опять останется одна и будет страдать, когда Аня вырастет... И хотя она по-прежнему играет в театре, ей нужны еще какие-то занятия. Сейчас вот строит дачу — маме важно отвлечься, чтобы не чувствовать себя одинокой у разбитого корыта.

К сожалению, с тех пор как родители развелись, папа не общается с сестрой Сашей. Мне кажется, это неразумно, да и он, как ни странно, недавно завел разговор на эту тему.

Когда мы познакомились с Настей, мне было 33, а ей... 16

С актрисой Мариной Нееловой

Мы оба считаем, что сестра безалаберно относится к своему таланту. Она самозабвенно любила свою профессию и могла бы достичь успехов, а занимается непонятно чем. (Александра Табакова известна по роли подружки маленькой Веры в одноименном фильме.) Вот если бы отец позвал ее на одну из главных ролей... Но ни она, ни он пока не могут решиться возобновить общение.

ния о случившемся, и я тоже довольно долго не общался с отцом. Но потом вдруг пришло понимание, что это неправильно. Наши отношения возобновились, чему я безумно рад.

Родители не ладили давно. Часто скандалы возникали из-за ерунды, из-за какого-то пустяка, а закончиться могли чем угодно. Удавалось ли отцу скрывать свой обман? Мне было понятно, что происходит, думаю,

страдал (в ту пору ему было лет 13), но я не уверен, что воспоминания о тех переживаниях были главной причиной того, что он так долго не решался оставить нас. В каком-то интервью отец рассказал об эпизоде, который все расставил на свои места. Будто в очередной раз вернувшись со съемок, уставший и раздраженный, он спросил нас с Сашей: «Что вас связывает со мной?» Мы

Женщины у меня были и вне брака, и в браках. Я ездил к любимым в разные города, возил цветы

— Саша ушла из «Табакерки» сразу после развода Олега Павловича и Людмилы Ивановны?

— По времени эти два события совпали, поэтому, наверное, можно интерпретировать и так. При разводе родителей дети или принимают сторону одного из них, или устраняются от ситуации. Устраниться я не мог, как и не мог не принять сторону мамы. У меня были свои представле-

матери — тоже. Да и Саша, вне всякого сомнения, догадывалась. Но мы делали вид, что все нормально. Папа потом объяснял, что скрывал роман с Мариной исключительно из нежелания причинить нам боль. Он сам испытал это на себе, когда его отец, которого он очень любил, оставил мать. Вернувшись с войны, мой дед привез новую семью и ушел из дому. Папа тогда действительно очень

вроде ушли от ответа, и тогда что-то в нем надорвалось. Ему показалось, что дома его не уважают, тем более что отношения с мамой уже лет десять как испортились, и она в порыве не раз говорила: «Нам надо развестись». Мне его рассказ кажется слишком театральным. Может, отец спрашивал, может, мы что-то отвечали. Но не те слова и не в том контексте. Мать многое позволяла отцу

и делала все, чтобы ему было хорошо, комфортно, чтобы он мог заниматься любимым делом. Создавая атмосферу такого подобоострастия, она сама неумолимо приближала финал.

— В вашей личной жизни тоже не обошлось без разводов...

— Да. С первой супругой — медсестрой Женей — мы познакомились в Рузе и поженились, когда мне было всего девятнадцать. В тот период я страшно хотел вырваться из родительского дома, почувствовать себя совсем взрослым, поэтому псевдосамостоятельность, конечно, пьянила. Я теперь мог отмахнуться от родительских наставлений: «Что вы хотите? Я ведь женат!» В общем, поступок был совершенно рациональный. К тому же мне казалось, что я люблю Женю. Тогда я мог поклясться, что нас связывает большое и светлое чувство. Теперь-то мне понятно, что это было ошибкой молодости. Помню, Никита Сергеевич Михалков тогда пошутил на свадьбе: «Первый брак — учебно-тренировочный, так что переходим сразу ко второму». Всю безответственность моего поступка понимали и родители, поэтому не сильно удивились, узнав о разводе. А вот супруга пережила расставание тяжело... Может, я чем-то обидел ее, но у Жени осталась некоторая надрывность, надломленность. Потом ко мне несколько раз приезжала ее мама, пыталась повлиять, приезжала и она сама... Но меня это уже не волновало. В конце концов я все забыл, как страшный сон, и честно существовал в каждом браке года по три-четыре. Больше на свадьбы я Михалкова не звал.

— По слухам, с Женей вы расстались, потому что она изменяла вам, а вы распускали руки...

— Женя замечательно ко мне относилась и мало обращала внимания на посторонних мужчин. А что касается того, будто распускал руки... Я никогда не позволял и не позволяю себе подобного. Разошлись же мы, когда поняли, что дальнейшее совместное существование бессмысленно. Перед разводом мы получили квартиру, и, хотя в этом большое участие принимал мой папа, я оставил жилье жене.

Вторую супругу — Асю — я знал давно. Но и этот мой брак был недолгим. Злые языки говорили, что друг

детства Миша Ефремов увел у меня жену, которая очень скоро от него забеременела. Это не так, с Асей мы расстались задолго до этого. Не могу сказать, что наши отношения с Мишей резко испортились, но, без сомнения, что-то гнусное в этой истории присутствовало. Конечно, допускаю, что между ними могло вспыхнуть чувство и т. д... Сейчас мы с Мишей общаемся. Но постольку поскольку.

Пережив два неудачных брака, с 17-летней студенткой Школы-студии МХАТ Катей Семеновой, полной тезкой известной певицы, я уже расписываться не стал, но именно в этом гражданском браке 10 лет назад у меня появился сын Никита. К сожалению, Катя не была готова ни к семейной жизни, ни к материнству. В результате я расстался и с ней.

Вообще же женщины у меня были и вне браков, и в период браков. Я был довольно эмоциональным человеком, совершал безумно красивые поступки — ездил к любимым в разные города, возил цветы. Но это были лишь страстные романы, которые заканчивались ничем. И так же внезапно, как начинались. Слава богу, вен при этом никто не резал.

— Вы как-то признались, будто до сих пор не верите в то, что последний ваш брак — с Настей Чухрай — длится уже семь лет...

— Прежде мне действительно сложно было предположить, что я смогу прожить с одним человеком столько лет. Когда мы познакомились, она не обратила на меня никакого внимания — по ее мнению, я был скучный, нестильный персонаж, который к тому же плохо танцевал. Настя же пела и танцевала замечательно, тем не менее я решился на ухаживания. Ей было уже... 16, мне — 33. Она вяло принимала знаки внимания, а я так влюбился, что просто потерял голову. Сложнее было с ее родителями. Сейчас у нас замечательные отношения, но складывалось все непросто. Обо мне тогда говорили как о молодом человеке, надевавшем в жизни много глупостей, например, 18 раз женившемся... В общем, нужно было проходить тестирование на «удобоваримость». К счастью, доказывать, чего стою, не пришлось. Я действительно люблю бил.

Беседовала Татьяна Петрова

Обо мне тогда говорили как о молодом человеке, наделавшем в жизни много глупостей, например, 18 раз женившемся... К счастью, доказывать Насте, чего стою, не пришлось. Я действительно любил

